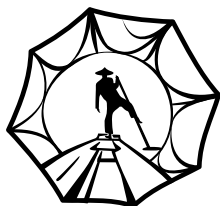

Джордж Оруэлл
—
Дни в Бирме
Глотнуть воздуха

Москва
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

George Orwell
BURMESE DAYS. COMING UP FOR AIR

Перевод с английского

Художественное оформление *Степана Костецкого*

Оруэлл, Джордж.

О-70 Дни в Бирме ; Глотнуть воздуха / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского Д. Л. Шепелева, В. М. Домитеевой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-176910-9

«Дни в Бирме» — честный и выразительный первый роман Оруэлла, опубликованный в 1934 году, вызвал горячие споры из-за изображения колониального общества, неискоренимой коррупции и имперского фанатизма.

Группа англичан, членов европейского клуба, едина в своем чувстве превосходства над бирманцами, но каждый из них предельно одинок и обильно заглушает тоску по родине чрезмерным употреблением виски. Джон Флори, лесоторговец, придерживается иных взглядов: он считает, что бирманцы и их культура самобытны и должны цениться как прекрасные и достойные вещи. Флори дополнительно подрывает веру в британское всемогущество своей дружбой с доктором Верасвами, потенциальным кандидатом на вступление в европейский клуб. А Верасвами, в свою очередь, находится под пристальным вниманием беспринципного местного судьи Ю По Кьина, ради власти готового на многое... Внутренний конфликт Флори осложняется внезапным прибытием в Бирму молодой англичанки Элизабет. Найдет ли он в себе силы поступить по совести и быть счастливым с женщиной, которую любит?

Англия накануне Второй мировой войны, главный герой романа «Глотнуть воздуха» Джордж Боулинг по кличке «Толстун» выигрывает на скачках 17 фунтов и решает поехать в свой родной Бинфилд, чтобы сбежать от обыденности своей жизни, заняться единственным увлечением — рыбалкой, и предаться воспоминаниям о прошлом. Но в деревне всё изменилось не в лучшую сторону, идиллические мечты Джорджа рушатся, та Англия из его воспоминаний ушла навсегда. Этот роман был опубликован в 1939 году, считается наиболее совершенным из ранних произведений Оруэлла, в нем поднимаются темы памяти, ностальгии, разочарования и страха перед лицом бед современности — индустриализации, капиталистической эксплуатации и войны.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Домитеева В., перевод на русский язык, 2023
© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-176910-9

Дни в Турме

*В глубине лесов,
Под сению деревьев меланхоличных¹*

Уильям Шекспир.
Как вам это понравится

¹ Пер. с англ. П. И. Вейнберга. (*Здесь и далее прим. пер.*)

1

Ю По Кьин, окружной судья Чаутады, в Верхней Бирме¹, сидел у себя на веранде. Было только полдевятого, но воздух, по-апрельски душный, уже грозил долгим дневным зноем. Редкие вздохи ветерка, относительно прохладного, покачивали недавно политые орхидеи, свисавшие с карниза. Сквозь орхидеи виднелся пыльный изогнутый ствол пальмы, а за ним — сияющее ультрамариновое небо. В самом зените, так высоко, что больно было смотреть, кружили, раскинув крылья, стервятники.

Ю По Кьин не мигая, точно керамический истукан, янтарно-карими глазами смотрел на палящее солнце. Непокрытая голова его была бритой, крупное лицо — желтым и почти гладким. Он разменял шестой десяток и до того растолстел, что уже несколько лет не вставал с кресла без посторонней помощи, однако был статен и даже красив в своей тучности; бирманцы не оплывают с годами, как белые, но равномерно наливаются, словно спелые фрукты. Одежда Ю По Кьина представляла собой типичную у бирманцев араканскую лонджи² в зелено-фиолетовую клетку, из-под которой выглядывали его босые пухлые ступни с высоким подъемом и одинаковыми пальцами. Он жевал бетель из лакированной шкатулки на столе и думал о прожитой жизни.

¹ В 1920-е годы — время действия романа — Верхняя Бирма представляла собой глухую провинцию Британской Индии.

² Домашняя одежда бирманцев в виде юбки, которую мужчины запахируют спереди, а женщины — слева.

Жизнь его сложилась блестяще. В самом раннем своем воспоминании, из восьмидесятих годов, Ю По Кьин, тогда еще голый карапуз, стоял и смотрел, как победным маршем входят в Мандалай британские солдаты. Он помнил, какой ужас испытывал, глядя на эти колонны здоровенных красно-мундирных и красномордых пожирателей коров с длинными винтовками за плечами, утрамбовывавших землю сапогами. Недолго поглазев на них, он дал стрекача. Своим детским умом он понял, что его соплеменники не чета этому племени великанов. И тогда же зародилось в нем честолюбивое стремление примкнуть к британцам, присосаться к ним пиявкой и сражаться на их стороне.

В семнадцать лет он попытался устроиться на госслужбу, но потерпел неудачу, поскольку был беден и не имел друзей, и следующие три года проработал в вонючих закоулках мандалайских базаров, ведя счета торговцев рисом и подворовывая. Но в двадцать лет ему улыбнулась удача — он шантажом добыл четыреста рупий, смог переехать в Рангун и купить себе место клерка на госслужбе. Должность была перспективная, хотя платили мало. В то время чиновничьи круги получали надежный доход, расхищая правительственные склады, и По Кьин (тогда он был просто По Кьином — почтительное Ю добавится к его имени позже) естественным путем примкнул к ним. Впрочем, он был слишком честолюбив, чтобы всю жизнь провести в клерках, промышляя такой мелочовкой. Однажды ему стало известно, что правительство, испытывая нехватку в рядовых чиновниках, намеревается набрать их из клерков. Об этом должны были объявить только через неделю, но По Кьин умел выведать нужные сведения загодя. Он не упустил свой шанс и сдал всех подельников, пока они не подняли тревогу. Большинство из них попали в тюрьму, а По Кьи́на, в награду за честность, назначили помощником квартального инспектора. С тех пор карьера его неуклонно шла в гору. Теперь, в свои пятьдесят шесть, он был судьей округа и рассчитывал на дальнейшее повышение, пожалуй, вплоть до заместителя комиссара, что сделает его равным с англичанами и даже повыше некоторых.

Его судейский метод был прост. Ни за какие коврижки не соглашался он вынести незаконное решение, понимая, что продажный судья рано или поздно попадется. Он предпочитал брать взятки с обеих сторон, что было гораздо надежней, и решать дело исключительно на законных основаниях. Этим он заслужил репутацию беспристрастного судьи. Помимо взяток с клиентов, Ю По Кьин собирал регулярную дань, своего рода частный налог, со всех подведомственных деревень. Если та или иная деревня артачилась, Ю По Кьин прибегал к карательным мерам — то к ним вторгалась шайка бандитов, то старейшины оказывались не в ладах с законом, то еще что-нибудь, — и вскоре недостача возмещалась. Кроме того, он имел долю со всех крупных грабежей в его районе. Все это по большей части было, разумеется, известно едва ли не каждому, кроме официального начальства Ю По Кьина (британское начальство никогда бы не поверило, что его подчиненный нечист на руку), но попытки разоблачить его неизменно проваливались — его подкупленных сторонников было не счесть. Всякий раз, как его обвиняли, Ю По Кьин просто-напросто дискредитировал обвинителей через подставных свидетелей, после чего выдвигал встречные обвинения, тем самым укрепляя свое положение. Он был практически неуязвим, не только благодаря тонкому чутью в судебных делах, оберегавшему его от ошибок, но и в силу особой склонности к интригам, не дававшей ему пасть жертвой небрежности или невежества. Можно было сказать с полной определенностью, что его никогда не выведут на чистую воду, и успех будет сопутствовать ему до самой смерти, с пышными похоронами и наследством в сотни тысяч рупий.

И даже на том свете его ждало процветание. Согласно буддийской вере, творившие при жизни зло после смерти перевоплощаются в крысу, жабу или еще какое пресмыкающееся. Ю По Кьин, как добропорядочный буддист, намеревался избежать этой напасти. Преклонные годы он посвятит делам праведным, которые в итоге перевесят все прочее. Вероятнее всего, его праведность проявится в строительстве пагод. Четыре, пять, шесть, семь пагод — сколько скажут ламы — с каменной резьбой, золочеными куполами и колокольчиками,

звонящими на ветру, воздавая хвалу небесам. И он вернется на землю в человечесем обличье — причем мужчиной, ибо женщина недалеко ушла от крыс и жаб — или, еще лучше, величественным зверем вроде слона.

Все эти мысли пронесли в уме Ю По Кына чередой картинок. При всей его хитрости, мозг у него был варварским и работал только в практическом направлении; чистое созерцание было ему недоступно. Вот и теперь его мыслительная деятельность достигла своего предела. Положив упитанные культяпки на подлокотники, он чуть повернулся и позвал визгливым голосом:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк!

Из-за бисерной шторы, отделявшей веранду, показался слуга Ю По Кына, Ба Тайк, рябой человечек весьма жалкого вида. Он был осужден за воровство, и Ю По Кын ничего ему не платил, поскольку одним своим словом мог упечь бедолагу в тюрьму. Ба Тайк, несмело приближаясь, так низко кланялся, что казалось, он пятится.

— Наисвятейший? — сказал он.

— Есть кто-нибудь ко мне, Ба Тайк?

Ба Тайк стал называть посетителей, разгибая пальцы:

— Там, ваша честь, староста Титпингьи принес подарки и двое деревенских с побоями, которых ваша честь будет судить, тоже принесли подарки. Ко¹ Ба Сейн, старший клерк из комиссариата, желает вас видеть, потом констебль Али Шах и бандит один, не знаю, как звать. Наверно, не поделили золотые браслеты, те, что украли. А еще деревенская девчонка с младенцем.

— А ей чего? — сказал Ю По Кын.

— Говорит, младенец ваш, наисвятейший.

— А-а. Сколько староста принес?

Насколько был в курсе Ба Тайк, всего десять рупий и корзину манго.

— Скажи старосте, — велел Ю По Кын, — чтобы завтра же принес двадцать рупий, а не то ему и всей его деревне недобровать. Других сейчас приму. Проси Ко Ба Сейна.

¹ Приставка «Ко» означает уважение.

Ба Сейн не заставил себя ждать. Стройный и узкоплечий, он был на редкость высоким для бирманца, а необычайно гладкое лицо его отличалось цветом кофе бланманже. Ю По Кьин считал его полезным винтиком. Приземленный и исполнительный, он был превосходным клерком, и мистер Макгрегор, заместитель комиссара, почти ничего не скрывал от него. Ю По Кьин, пребывая в добром расположении духа после ревизии своих успехов, приветствовал Ба Сейна смешком и взмахом руки в сторону ларчика с бетелем.

— Ну, Ко Ба Сейн, как продвигается наше дело? Надеюсь, как сказал бы уважаемый мистер Макгрегор, — тут Ю По Кьин перешел на английский, — *опуэделенный пвогуэсс налицо?*

Ба Сейн не улыбнулся этой остроте. Присев в кресло, прямой, как жердь, он ответил:

— Отлично, сэр. Наш экземпляр прибыл этим утром. Извольте взглянуть.

Он вынул двуязычную газету под названием «Бирманский патриот». Это было восьмиполосное издание, отпечатанное на скверной бумаге и сляпанное из новостей, надерганных в основном из столичной «Рангунской газеты» и сдобренных пафосной националистской риторикой. На последней полосе печать смазалась, так что разобрать ничего было нельзя, словно газета отмечала траур по самой себе. Статья, интересовавшая Ю По Кьина, отличалась особым шрифтом. Она гласила:

В эти счастливые времена, когда нас, бедную черноту, ведет за собой могучая западная цивилизация с ее многообразными благами, такими как синематограф, пулеметы, сифилис и т. д., какой предмет может внушать большее воодушевление, нежели частная жизнь наших европейских благодетелей? Посему мы считаем, что нашим читателям будет интересно услышать кое-что о событиях в захолустной Чаутаде. А именно о мистере Макгрегоре, досточтимом заместителе комиссара названной области.

Мистер Макгрегор являет собой типичный пример Истинно Ингайкского Джентльмена, коих в эти счастливые дни мы можем наблюдать во множестве. Он «человек семейный»,

как говорят дорогие наши братья-англичане. Очень даже человек семейный мистер Макгрегор. До того семейный, что за год жизни в Чаутаде нажил троих детей, а на прошлом месте службы, в Шуэмбо, произвел шестерых отпрысков. Надо думать, лишь по недосмотру мистера Макгрегора они остались без средств к существованию, а их матерям грозит голодная смерть и т. д. и т. п.

Подобный материал занимал целый столбец и при всей своей гнусности был самым приличным в газете. Ю По Квин внимательно прочитал статью, держа газету на вытянутой руке — он страдал дальновзоркостью — и щерясь от усердия, обнажая ровные мелкие зубы, кроваво-красные от бетеля.

— Издатель сядет за это в тюрьму на полгода, — сказал он наконец.

— Он не против. Говорит, только в тюрьме и можно спастись от кредиторов.

— Стало быть, ваш юный стажер, клерк Хла Пе, сам написал эту статью? Очень умный мальчик — весьма многообещающий! Никогда больше не говорите, что от правительственных школ нет толка. Хла Пе определенно сделает карьеру.

— Так вы считаете, сэр, этой статьи будет достаточно?

Ю По Квин ответил не сразу. Для начала он натужно запыхтел, пытаясь встать с кресла. Ба Тайк был тут как тут. Он возник из-за бисерной шторы, и вдвоем с Ба Сейном они подхватили Ю По Кына под мышки и подняли на ноги. Ю По Квин постоял, распределяя вес пуза, словно грузчик, который принаравливается к корзине рыбы. И отослал Ба Тайка взмахом руки.

— Недостаточно, — сказал он, отвечая на вопрос Ба Сейна, — никак недостаточно. Предстоит еще потрудиться. Но начало хорошее. Слушайте.

Он подошел к перилам и выплюнул алый комок бетеля, а затем стал мерить веранду шажками, заложив руки за спину. Двигался он чуть вразвалку, переваливая необъятные бедра, и говорил на жаргоне госслужащих — причудливой смеси бирманских глаголов и английских оборотов:

— Давайте заново пройдемся по нашему делу. Мы намерены нанести совместный удар по доктору Верасвами, уполномоченному хирургу и тюремному суперинтенданту. Намерены очернить его, уничтожить его репутацию и в итоге разделаться с ним раз и навсегда. Это будет весьма тонкая операция.

— Да, сэр.

— Риска не будет, но действовать надо медленно. Мы замахнулись не на жалкого клерка или констебля. Мы замахнулись на высокого чиновника, а высокий чиновник, пусть даже он индеец, это вам не клерк. С клерком как? Легко: обвинение, пара дюжин свидетелей, увольнение и тюрьма. Но здесь так не годится. Тихо-тихо, тихой сапой. Без скандала и главное без официального вмешательства. Не должно быть никаких обвинений, на которые можно ответить, однако в течение трех месяцев я должен устроить так, чтобы каждый европеец в Чаутаде считал доктора негодяем. Что же ему вменить? Взятка не годится, доктор взяток не берет. Что еще?

— Мы, пожалуй, могли бы устроить бунт в тюрьме, — сказал Ба Сейн. — Отвечать будет доктор, он же суперинтендант.

— Нет, слишком опасно. Надзиратели станут палить из ружей без разбору — не хочу. Опять же, лишние расходы. Что ж, стало быть, остается его обесчестить — национализм, пропаганда мятежа. Мы должны убедить европейцев, что доктор придерживается мятежных, антибританских взглядов. Это будет пострашнее взятки; туземный взяточник для них — дело обычное. Но заставь их усомниться хоть на миг в его верности — и с ним покончено.

— Доказать такое будет трудно, — возразил Ба Сейн. — Доктор очень лоялен к европейцам. Он сердится, если кто скажет против них. Они должны это знать, не думаете?

— Чушь, чушь, — спокойно сказал Ю По Кьин. — Европейцам не нужны доказательства. Если у кого черное лицо, подозрение и есть доказательство. Несколько подложных писем — и порядок. Это лишь вопрос упорства: обвинять, обвинять и обвинять — вот как надо с европейцами. Одна аноним-

ка за другой, каждому европейцу. А потом, когда хорошенько подогреем их подозрительность, — Ю По Кьин вытащил короткую руку из-за спины и, щелкнув пальцами, добавил: — Начнем с этой статьи в «Бирманском патриоте». Европейцы будут в бешенстве, когда прочтут это. Ну, а вслед за тем нужно будет убедить их, что статью написал доктор.

— Это будет трудно, он ведь дружит с европейцами. Все они ходят к нему, когда заболеют. Он вылечил мистера Макгрегора от флатуленции в эту холодную пору. Кажется, они его считают очень хорошим доктором.

— Как мало вы знаете европейский разум, Ко Ба Сейн! Если европейцы ходят к Верасвами, то лишь потому, что он единственный доктор в Чаутаде. Никакой европеец не доверяет черномазым. Нет, с подложными письмами нужно лишь набраться терпения. Скоро я устрою так, что у него не останется друзей.

— Есть такой мистер Порли, лесоторговец, — сказал Ба Сейн, имея в виду мистера Флори. — Он близкий друг доктора. Всякий раз, как бывает в Чаутаде, каждое утро заходит к нему домой. Два раза даже приглашал его на ужин.

— Что ж, на этот раз вы правы. Если Флори дружит с доктором, нам это может помешать. Индийцу не навредишь, когда у него друг европеец. Это дает ему — они обожают это слово — престиж. Но Флори довольно быстро охладает к другу, как начнутся неприятности. Эти люди не питают лояльности к туземцу. К тому же мне известно, что Флори — трус. Я с ним разберусь. А за вами, Ко Ба Сейн, остается слежка за Макгрегором. Не писал ли он недавно комиссару — в смысле, по личному делу?

— Писал два дня назад, но, когда мы вскрыли письмо, не нашли там ничего важного.

— Ну что ж, мы дадим ему тему для писем. А едва он начнет подозревать доктора, придет время для другого дела, о котором мы говорили. И тогда мы — как там говорит Макгрегор? Ах, да: уьем двух зайцев одним выстрелом. Целую стаю зайцев — ха-ха!

Смех Ю По Кьина представлял собой мерзкое бульканье, поднимавшееся из самого живота, наподобие кашля; и все же

смеялся он заразительно, как ребенок. Больше он ни слова не сказал о «другом деле», слишком секретном, чтобы обсуждать его на веранде. Ба Сейн, видя, что беседа подошла к концу, встал и отвесил поклон, точно складной метр.

— Не желает ваша честь еще чего-нибудь? — сказал он.

— Убедитесь, чтобы Макгрегор получил экземпляр «Бирманского патриота». А Хла Пе лучше скажите, чтобы он побыл дома с приступом дизентерии. Мне он понадобится для написания анонимок. Пока все.

— Я могу идти, сэр?

— Идите с богом, — несколько отвлеченно сказал Ю По Кьин и тут же громко позвал Ба Тайка.

Он ни минуты не тратил попусту. С другими посетителями он разделался довольно быстро, а деревенскую девчонку отослал не солоно хлебавши — посмотрел ей в лицо и сказал, что знать не знает. Пора было завтракать. В животе проснулся жестокий голод, нападавший на него каждое утро ровно в это время. Он нетерпеливо крикнул:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк! Кин Кин! Мой завтрак! Поскорей, умираю с голода.

На столе в гостиной, за шторой, уже стояло большое блюдо с рисом и дюжина тарелок с карри, сушеными креветками и ломтями зеленого манго. Ю По Кьин проковылял к столу, уселся со стоном и набросился на еду. Позади стояла, прислуживая, его жена, Ма Кин. Это была худощавая смуглая женщина сорока лет и пяти футов роста, с лицом доброй обезьянки. Ю По Кьин сосредоточенно жевал, не замечая ее. Придвинув миску к самому носу, он проворно закидывал в рот еду жирными пальцами, часто дыша. Он всегда ел быстро, страстно и обильно; это была не столько еда, как оргия чрева, приправленная карри. Наевшись, он откинулся на спинку, рыгнул раз-другой и велел Ма Кин подать ему зеленую бирманскую сигару. Английский табак Ю По Кьин никогда не курил, заявляя, что он безвкусен.

Затем Ба Тайк помог ему облачиться в официальный наряд, и Ю По Кьин постоял в гостиной перед длинным зеркалом, любуясь собой. Гостиная с деревянными стенами и двумя колоннами из тиковых стволов, подпиравшими стропила,